

Инцидент с полоцкими униатами в 1705 году

В Белоруссии своеобразную известность приобрел случай убийства в Полоцке пяти униатских монахов-базилиан, связанный с посещением храма св. Софии царем Петром I в 1705 году. Теперь местные униаты старательно чествуют память «мучеников» во время нарочитого крестного хода из Витебска в Полоцк. В 2000 г. была издана книжка «Полацкія пакутнікі» («Полоцкие мученики»), в которой были собраны соответствующие материалы, так сказать, к прославлению жертв «неистового» российского царя. В униатской газете «Царква» в 2005 г. появилась статья Сергея Морозова «Полоцкая трагедия в 1705 году» <https://carkva-gazeta.by/index.php?his=17> (белорусская версия), <http://vicebskreg.by/rus/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0/428/> (русская версия). В то же время разгулявшиеся в сети фантазии пользователей изрядно зашкаливают, раздувая давний исторический миф о полоцких событиях.

Униатские писатели изображают дело таким образом, что изрядно выпивший царь Петр вошел со своими клеветами в полоцкую Софию и устроил там резню униатских монахов, которые мирно заканчивали монастырскую службу. Поводом послужил алтарь Иосафата Кунцевича, типичное изображение которого (с секирой в голове) вызвало любопытство царя. В объяснение был сделан упрек, что Кунцевич был убит витебскими схизматиками, единоверцами царя Петра. Вышедший из себя царь ударил настоятеля и начал резню. В ходу самые пикантные подробности: травля злобной собакой, отрезание ушей, топтание святых даров царскими башмаками. Уже само наличие подобных излишеств, казалось бы, определенно свидетельствует о том, что этот рассказ основывается на слухах, а не прямых свидетельских показаниях.

В самом деле, откуда становятся известными обстоятельства происшествия?

Первый вариант полоцкой истории был написан в сентябре 1705 г. Это было донесение в Рим, составленное при участии униатского митрополита Льва Заленского и папского нунция. На его основе римская коллегия Пропаганды веры составила сокращенную ведомость об убийстве базилиан и разослала по всем епархиям. Отличительной чертой этого сказания было то, что царь Петр собственноручно убил (колол, рубил) всех униатских монахов, в том числе убил и того, кто по другим сведениям стал главным рассказчиком о событиях (Иосафата Онкудовича). Число убитых доведено до девяти, не считая сочувствующих женщин. Гонения представлены здесь в самом преувеличенном, пугающем воображение виде.

Второй вариант полоцкой истории связан с записями базилиана Яна Олешевского и Антония Завадского. Они были сделаны в 1713—1721 гг. Олешевский находился в описываемое время в Вильно, а Завадский — в Витебске. Оба могли писать спустя годы только с чужих слов. Издание «Истории об убийстве базилиан в полоцкой церкви» Завадского вышло в

Париже в 1863 г. в ходе польского восстания. Это был один из многочисленных примеров пропагандистской продукции, которая должна была вдохновлять повстанцев на мщение России. Составитель 20-страничной брошюры, использовавший записи Завадского, ссылается на пять сопроводительных доказательств, цитируя слова царских соратников князя А.Д. Меншикова и графа Б.П. Шереметева, содержащих угрозы униатам, но при этом не называет ни одного источника этих сведений. Так и современный сценарист может вкладывать в уста героев «исторической» картины любые речи, выдумывая их из головы. Отличительной чертой варианта Завадского и Олешевского является обстоятельность рассказа, детализация каждого убийства. Здесь царь убивает собственноручно только двоих (наместника монастыря Константина Заячковского и проповедника Феофана Колбечинского), с остальными расправляются офицеры свиты.

Третий вариант полоцких событий изложен в могилевской хронике Юрия Трубницкого и датирован мартом 1708 г. Автор ссылается на некоего монаха Пафнутия, который был насельником полоцкого базилианского монастыря. Согласно этой версии, царь Петр травил одного монаха собакой, второго проткнул лично, а еще четверых арестовали по кельям и затем повесили. Здесь же говорится о местном почитании пяти убитых монахов (хотя из текста следует, что их было шесть).

Эти рассказы, бытовавшие в униатской среде, объединяет одна общая тенденция: представить полоцкий инцидент как давно задуманное планомерное гонение на унию с целью ее уничтожить.

Несколько отличается четвертый вариант, представленный в переписке иезуитов из Москвы в 1707 г. Он записан будто бы со слов самого царя, который рассказал все на третий день ректору полоцкого иезуитского коллегиума Криштофу Лосевскому (личность, однако, не установленная). Согласно этому рассказу, царь не сдержал свой гнев и поразил униатского наместника. В то же время сопровождавшие офицеры убили двоих и смертельно ранили еще двоих монахов. После этого Петр раскаялся, просил Виленского бискупа не налагать на него запрещения, обещал построить в Москве монастырь для ордена капуцинов и еще открыть три иезуитских коллегиума.

Наконец, по поводу случившегося в Полоцке спустя десять дней (11 июля по старому стилю) 1705 г. был издан в Вильно (куда после Полоцка отправился царь) специальный Манифест следующего содержания:

«Хотя Его Царскому Величеству от генералов своих, на зимних квартирах в Полоцке бывших, довольно донесено, каким образом униатские духовные непрестанно с неприятелями шведами и сапезинцами (т.е. сторонниками гетмана Сапеги — А.Х.) имеют тайную переписку и опасные намерения против войск Царского Величества, в чем они довольно доводы через перенятые письма хи и предостережения от доброжелателей имеют; но и явно в своих проповедях (а особенно один из них, бывший подданным Его Царского Величества монах, и отступивший от веры) всегда народ Вел. Княж. Литовского возбуждали против войск Его Царского Величества и к

тайному их поборению, употребляя при этом зело поносительные слова, явно на Высочайшие Особы как Его Царского Величества так и Его Королевское Величество Польского Августа: однакож Его Царское Величество, уничижая те их злобы, снося великодушием своим, никакой противности им чинить не повелевал. Но когда случилось Его Царскому Величеству идти мимо их костела и, желая видеть их церемонии, вошел с несколькими знатными особами Двора своего; тогда упомянутые злочестивые не токмо Его Величество с подобающей честью не приняли, но паче со всяким бесчестием, которого бы не токмо такому монарху, но и простому бы, чести достойному, снести от них не возможно. Ибо когда Его Царское Величество, желая обрядов их церковных видеть, войти хотел в алтарь того костела, то начали оные бесчинные словами Его Величеству говорить: что не достоин Ему, как противнику веры, туда ступать. Это однакож Царское Величество по благоутробию своему снес, и ничего не отвечая, вышел вон; и пришед к некоторому тут же паче прочих украшенному образу, вопрошал их: чей-то образ? На что сии злочестивцы ругательно отвечали: что сей образ священномученика их Иосафата, которого-де ваши единоверцы, еретики, богоотступники и мучители, как и вы, убили. За сию мерзкую хулу возъярився, повелел Его Царское Величество при себе тогда обретающимся людям оных хульников и уличенных изменников взять, и привести под стражей для осуждения; сам же вышел вон от сих богомерзких. Но оные, видя наших малолюдство, начали сим Его Царским Величества людям противиться и кричать о помощи, так что еще иные к ним из причту монастырского со оружием пристали, хотя их отбить, и в том сопротивлении некоторых из Его Царского Величества людей ранили, за что оные, озлобясь, начали самих злодеев не щадя рубить, так что четыре из них против воли Царского Величества смертно ранены и померли, избавя себя по осуждению от достойной и смертной бесчестной казни. Потом же яко Его Царского Величества бывший подданный и изменник и веры отступник, и что еще злее, возмутитель народа, как выше объявлено, по уличении явном сих его преступлений, осужден на смерть, и иным ко образцу явно как злодей повешен. Это есть тако истинное возвещение того случая, которое всякому ко известию да служит, дабы клеветники то ко вреду Его Царского Величества высокой справедливости и приятельственных в Речи Посполитой поступков не могли инако разгласить». Документ подтверждался собственной подписью и печатью царя Петра I.

Таким образом, полоцкий инцидент имеет официальное объяснение, изданное практически сразу после прибытия русского монарха в Вильно из Полоцка. В его тексте вина целиком возлагается на униатских монахов, которые оскорбили царя и противодействовали его планам. Возникшие впоследствии католические истории того же события разнятся во многих деталях, начиная от конкретных обстоятельств избиения до количества жертв. Причем самая ранняя версия, сочиненная в августе-сентябре 1705 г., является наиболее тенденциозной и недостоверной. Возможно, кому-то до сих пор более привлекательными кажутся полумифические рассказы о

мучениях якобы невинных униатских монахов, которые самым мирным образом занимались прославлением Иосафата Кунцевича — жестокого гонителя православных времен насаждения унии. Если сформировано предубеждение в чьей-то вине, то вряд ли можно оправдаться доводами разума. Остается только обращение к историческим документам. Исторические свидетельства нужно читать и сравнивать между собой. Только так можно приблизиться к истине. Как бы там не было, а полоцкий инцидент, конечно, не служит к чести русского монарха. Но не стоит он и тех злобно-мрачных оттенков, которые выставляют на вид белорусские почитатели унии.

Священник Алексей Хотеев